

Пятидесятницы, но только для суббот и воскресений остальной части года.

Апракосный тип Святого Письма был распространен в Византии, и с принятием Христианства был перемещен и в Киевскую Русь. На последней странице составитель и переписчик рукописи сделал приписку: «Азь Григорий диакон написахъ Евангелие се», а также указал, что начал свою работу 21 октября 1056 года и закончил 12 мая 1057 года. Интересен тот факт, что инструкция пользования данной книги расписано на восьмидесяти пяти листах. Это можно объяснить тем, что Евангелие сопровождало как частную, так и общественную жизнь русича.

На протяжении истории изучения Остромирового евангелия ученые неоднократно обращали внимание на пышность его оформления. «Роскошь художественного оформления Остромирова Евангелия и социальное положение его заказчика – соправителя киевского князя дают основание предполагать, что эта книга была изготовлена не для какой-нибудь монастырской или приходской, но для посаднической церкви. И она явно не предназначалась для ежедневного употребления, о чем свидетельствуют состав чтений Остромирова Евангелия – краткого апракоса и великолепная сохранность его рукописи. Стало быть, оно употреблялось лишь по праздникам, при торжественных богослужениях» [4, с. 425]

Подчеркнем, что одним из интересных элементов художественного оформления есть крупные заглавные буквы, которые начинают каждое новое чтение. Впечатляет вариантность заглавных букв, которые исполнены золотом и красками. Так, из более чем сотни заглавных букв «В» нет ни единой повторения исполнения, у каждой свои решения, свой рисунок, своя композиция цветов. Например Н. Розов отмечает, что «изумительное разнообразие разрисовки этих инициалов можно объяснить, как это ни покажется парадоксальным, однообразием начальных слов евангельских чтений: либо «Во время оно», либо «Рече Господь». Все же за этими однообразными зачинами идут чтения самого различного содержания и эмоциональной окраски – рассказ, прямая речь, иносказания притчи, морально-философские рассуждения, убеждения, обличения. И все эти разнообразные оттенки должны быть поняты и переданы слушателям чтением исполнителем» [4, с. 427].

Итак, написание таким образом заглавных букв несет в себе не только эстетический компонент, а также есть опознавательным знаком для чтеца что перед заглавными буквами голос нужно возвысить и наполнить. Так, чтение текста библейских книг в Церкви, было громким и торжественным, подчиненным определенным правилам. Такого же принципа чтения богослужебных текстов «по нарастающей» придерживаются и современные православные церковные чтецы и священнослужители.

Таким образом, и на сегодняшний день Остромирово евангелие остается непревзойденным произведением книжного искусства.

Литература:

1. Алексеев, А.А. Остромирово евангелие и византийско-славянская традиция священного писания / А.А.Алексеев // Остромирово евангелие и современные исследования новозаветных текстов : [сб. науч. статей]. – СПб., 2010. – С. 41–59.
2. Воспоминания о давних украинских кодексах [Интервью с Запаско Я.П.] // Газета Зеркало недели. – 10 мая 2002 года. -- [Электронный ресурс. – http://gazeta.dt.ua/CULTURE/spogadi_pro_davni_ukrayinski_kodeksi.html]
3. Крушельницкая, Е. В. Остромирово евангелие (1056 – 1057 гг.) и Российская национальная библиотека: хранение и изучение памятника / Е. В. Крушельницкая // [Электронный ресурс. – <http://www.nlr.ru/exib/Gospel/ostri/>]
4. Розов, Н.Н. Об особенностях художественного оформления литургических и певческих рукописных книг / Н.Н. Розов // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом). Т. XXXVIII: Взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства. – Л.: Наука, 1985. – С. 425.

АНДРОСОВА В. А.

КАНДИДАТ БОГОСЛОВИЯ, МАГИСТР ТЕОЛОГИИ ЛЕВЕНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА БЕЛЬГИИ (CATHOLIC UNIVERSITY OF LEUVEN), ПРЕПОДАВАТЕЛЬ БИБЛЕИСТИКИ ПРАВОСЛАВНОГО СВЯТО-ТИХОНОВСКОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА, ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА И АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ МЕЖДУНАРОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА В МОСКВЕ

ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ БИБЛЕЙСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ: ПОНИМАНИЕ ОТКРОВЕНИЯ ЧЕРЕЗ ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ

Мой доклад посвящен теме методологии библейских исследований, обсуждаемой в западном научном мире; я подготовила доклад по материалам семинара по библейской герменевтике на Теологическом факультете Лёвенского Католического университета (Бельгия), в котором я была участником. Опыт и наработки ученых в католической среде могут представлять ценность для русскоязычной библеистики, которая, как мы знаем, находится в процессе становления. Среди русскоязычных преподавателей библеистики есть те, которые безоговорочно принимают методы современной западной науки, и есть другие, которые относятся к ним сдержанно, ориентируясь на более традиционные подходы, принятые в православном мире. Оживленная дискуссия о библейской науке происходила на международной конференции в Москве в сентябре 2016: по словам митрополита Волоколамского Илариона, библеистика находится на распутье. Действительно, западную библейскую науку нельзя назвать однородной – как и всякая наука, она постоянно пребывает в процессе преобразований, и в результате дискуссий рождаются новые методы, позволяющие раскрыть новые грани библейских текстов. Краткое рассмотрение одного из многочисленных новых методов, который был разработан католическим богословом священником Раймундом Бирингером, я хочу представить Вашему вниманию сегодня. Новый метод Бирингера «нормативность будущего» появился как реакция на вызовы со стороны самого известного метода библейской науки – «историко-критического» метода.

Введение: историко-критический метод и его рецепция в католической библеистике

Библеистика в католическом мире вплоть до второго Ватиканского собора существовала как весьма вторичная богословская дисциплина, выполняющая «служебную» функцию; цитаты из Библии в основном выхватывались из контекста и служили для формального обоснования церковных вероучительных положений. Историко-критический метод, столь широко используемый протестантскими авторами в XIX веке и первой половине XX, был осуждаем. Как известно, историко-критический метод предполагает изучение библейских повествований в их историческом контексте, с принятием в расчет их литературных особенностей. В основе метода лежит изучение исторической основы текста и реконструкция самой ранней формы текста.

Только второй Ватиканский собор в середине 60-х годов XX в. официально признал историко-критический метод допустимым в католической среде. Значимый документ того времени «*Dei Verbum*» провозгласил, что изучение священных библейских текстов есть «душа богословия», и соответственно, авторитет библеистики существенно вырос. Многие католические ученые приветствовали этот поворот как освобождение от сдерживающих шаблонов, как важный шаг от доминирующих идеологически окрашенных церковных толкований в сторону научной объективности, как возможность внимательно взглянуть в мир библейских текстов, услышать голос автора, не заглушаемый позднейшими «напластованиями». Историко-критический метод дистанцируется от всякого рода аллегорий и «духовных толкований»: смысл текста видится четко в том, что хотел сказать первоначальный автор. Соответственно, цель ученого – максимально объективно реконструировать позицию автора и предполагаемые реалии жизни первых читателей; можно сказать, что определяющую роль в процессе интерпретации получили исторические знания – именно за историей оставалось «последнее слово» в толковании текста. Историко-критический метод несомненно привнес множество важных новых знаний о Библии. При этом в католической академической среде он постепенно начал превращаться в доминирующий научный метод, стал как бы сам собой разумеющимся, принимаемым «по умолчанию».

Проблемные вопросы, поднятые в результате историко-критических исследований

Согласно ожиданиям ученых, историко-критические библейские исследования с их декларируемой объективностью должны в результате предлагать взвешенные интерпретации Библии, могущие служить прочной основой для других богословских наук (христианской этики, истории Церкви, систематического богословия и пр.). Однако в реальности предоставить «прочную основу» не удалось – при одних и тех же базовых предпосылках выводы библеистов зачастую разительно отличались. Вплоть до настоящего времени это затрудняет взаимодействие библеистики с прочими богословскими науками.

Другой насущной проблемой является то, что не все христианские богословы владеют достаточными «энциклопедическими знаниями» о библейском контексте, то есть истории древнего Востока, древней Греции и Рима. Из-за этого многие богословы в своих работах нередко опасаются приводить собственные толкования библейских текстов, чтобы не высказать что-то исторически неверное, на что потом могут указать ученые коллеги-библеисты. А официальный Ватикан продолжает опираться на традиционные церковные толкования. Таким образом, в католическом мире современная библеистика оказалась обособленной, отдаленной от прочего богословия (не говоря уже о выходе за рамки академической среды); за последние десятилетия появилось очень много экзегетических наработок, но они остаются достоянием узких профессиональных кругов.

С историко-критическим методом связано немало «вызовов» для богословов и верующих людей. Первое: общеизвестно, что историко-критический метод поставил под сомнение объективность библейских авторов в передаче событий и фактов. Второе: акцентировав укорененность библейских текстов в их историческом контексте, ученые заострили различия между мировоззрением библейских авторов и общепринятыми современными взглядами. Было выявлено, что библейские авторы не были свободны от типичных для своего времени представлений, причем не только в естественно-научной сфере, но и в этической. Библейские тексты не выступают против института рабства¹²⁶, против приниженного положения женщины¹²⁷, – то есть против того, что воспринимается современными европейскими людьми как абсолютно неприемлемые вещи, – они содержат призывы к Богу о мести врагам¹²⁸. Каждому, кто знаком с Библией, известно, что она содержит не только благостные умирительные повествования о святых. В Библии есть описания таких суждений и поведения, которые христиане не считают нормативными и верными. В истории христианских стран было множество случаев, когда цитаты из Библии использовались для угнетения, для подавления человеческой личности; к примеру, уничтожение коренного населения Северной Америки совершалось со ссылками на Иисуса Навина, разжигание ненависти к евреям – со ссылками на участие иудеев в распятии Христа. В связи с этим историко-критический метод ставит перед богословами острый вопрос – каким образом в наше время мы можем продолжать утверждать богодухновенность Библии, учительный авторитет Библии как божественного откровения? Другими словами, каким образом текст, обусловленный реалиями прошлого, может быть значимым путеводителем для людей в наши дни?

В ответе на этот вопрос есть две крайних позиции. Первая – беспристрастно исследовать Библию как всего лишь один из древних текстов, памятник прошлого, как это делает ряд сторонников историко-критического метода, оставляя за рамками понятия богодухновенности и авторитета. Вторая – закрывать глаза на проблемные тексты, просто игнорируя вызовы библейской критики. Но тогда утверждение «Библия есть божественное откровение» может являться лишь поверхностной фигурой речи или же наоборот, фундаменталистским призывом претворять библейские цитаты в жизнь без всякого рассуждения. В моем докладе я освещу попытку современного библеиста Раймунда Бирингера найти «срединный путь», разработав новую методологию, помогающую найти общую «почву» для научно-критического восприятия Библии и ее

¹²⁶ Ср. *Еф* 6:5-8; *Кол* 3:22.

¹²⁷ Ср. *1 Тим* 2:11-15; *1 Кор* 14:33-34; также *Еф* 5:22-24.

¹²⁸ Ср. *Пс* 3:8; *Пс* 136:8-9.

традиционного религиозного восприятия как божественного откровения¹²⁹.

Ограничения историко-критического метода с точки зрения современной герменевтики

Рассмотрим вначале теоретические предпосылки методологии Бирингера. Все больше и больше ученых напоминают о том, что историко-критический метод является лишь одним из возможных методов исследования библейского текста. Ограниченность метода очевидна из того, что он не производит единых объективных результатов, которые можно повторить в «любой клинической лаборатории». Оказывается, что каждый ученый несколько по-своему реконструирует исторический контекст и раннюю форму библейского текста.

Полезным оказывается обратиться к истокам возникновения историко-критического метода. Во многом он вырос из идеологии Просвещения, считающей человеческий разум главным судьей, который возвышается над традицией прошлого и «вершит суд» над ней. В иудейских и христианских общинах древние священные тексты воспринимались как органичная часть жизни, а в модели Просвещения тексты прошлого рассматриваются как нечто чуждое, потенциально подавляющее свободу индивидуума. Согласно этой модели, если мировосприятие этих текстов в чем-то не совпадает с нашими «просвещенными» взглядами, их следует просто отложить в сторону и относиться к ним как к памятнику отжившей старины.

Каким образом строится мост между настоящим временем и текстами прошлого, помогают сформулировать философы Ханс-Георг Гадамер и Поль Рикер, внесшие большой вклад в современную герменевтику (науку о толковании текстов). Относительно древних библейских текстов Гадамер указывает, что они и современные люди связаны через традицию – многовековую историческую традицию интерпретации этих текстов человеческим сообществом¹³⁰. Неверно противопоставлять современный мир и Библию: европейские культурные реалии и ценности во многом выросли из прочтения Библии поколениями христиан. Упущение историко-критического метода состоит в том, что текст считается статичным объектом, в котором как в некоем контейнере хранится смысл, и этот единственно верный смысл можно «извлечь» с помощью правильной методологии. Гадамер и Рикер подчеркивают, что текст имеет динамическую природу, и процесс чтения похож не на монолог, а на диалог¹³¹. Конечно, чтение предполагает открытость читателя к тексту, готовность измениться под его влиянием, однако роль читателя не пассивна, а активна. Во взаимодействии с читателем текст может порождать новые смыслы (ср. понятие Рикера «surplus of meaning»). Так, на протяжении веков происходил двусторонний процесс: читатели привносили свое видение в библейский текст, а текст в свою очередь изменял взгляды и внутренний мир читателей. Этот обоюдный процесс Гадамер называет «слиянием горизонтов».

Второе упущение историко-критического метода состоит в том, что исследователю текста приписывается позиция беспристрастного наблюдателя. Несложно показать, что изначальные предубеждения, связанные с культурным и социальным контекстом, личным опытом и статусом, есть у всех читателей без исключения; в этом плане никто не является «чистым листом». Ученому следует отдавать себе отчет, что он не способен полностью отстраниться от своей некоторой предвзятости, поэтому при толковании текста достичь объективности в принципе невозможно. Наличие предубеждений не следует считать непреодолимым препятствием в понимании древнего текста. Различие исходных точек зрения ведет к многообразию восприятия, что Гадамер оценивает как вполне положительное явление. Рикер сравнивает текст с произведением искусства, которое рождает разные впечатления, чувства и эмоции. Некоторым примером здесь может служить огромное количество защищаемых диссертаций по библеистике. Иногда ученых спрашивают, когда кончатся темы для исследования, ведь казалось бы, все библейские книги, все главы и стихи уже изучены вдоль и поперек. Согласно Гадамеру, этот вопрос бессмысленен – темы никогда не иссякнут, потому что каждый исследователь по-своему смотрит на одну и ту же тему, каждый привносит свой вклад и свое видение.

Третье упущение историко-критического метода – чрезмерный акцент на прошлом, видение смысла текста исключительно в прошлом. Ограниченность такого подхода можно продемонстрировать на ярком примере цитаты из Декларации независимости США 1776 года: «All men are created equal», «все люди / все мужчины созданы равными». Историк укажет нам, что авторы текста имели в виду только мужчин, принадлежащих к белой расе и к классу зажиточных землевладельцев. Однако представляется неверным утверждать, что этот исторический смысл есть «настоящий» смысл текста, а современное расширительное толкование, предполагающее равенство людей всех рас и полов, является произвольным и навязанным. Можно сказать, что этот текст содержит потенциал, превосходящий замысел первоначальных авторов; со временем, в результате процесса взаимного влияния текста на людей и взглядов людей на понимание текста, этот потенциал постепенно раскрывается и актуализируется. Подобный процесс происходит с библейскими текстами, которые укоренены в прошлом, но устремлены в будущее.

Новый предложенный метод – «нормативность будущего»

Немецкий священник-богослов Бирингер выделяет три «уровня» библейского текста, которые следует анализировать в рамках предложенного им метода. Их краткие названия – «мир за текстом», «мир текста», «мир проецируемый текстом/мир перед текстом». Первый уровень, мир за текстом – это основной предмет

¹²⁹ Метод Бирингера изложен в статьях Bieringer R. *The Normativity of the Future: The Authority of the Bible for Theology*; *Zeitschrift für Theologie in Europa* 8 (1997) 52-67; Bieringer R. *Texts that Create a Future: the Function of Ancient Texts for Theology Today // Reading Patristic Texts on Social Ethics: Issues and Challenges for the Twenty-First Century*, ed. by J. Leemans, B. J. Matz, J. Verstraeten; Washington, D.C.: Catholic University of America Press, 2011.

¹³⁰ Гадамер приводит интересное сравнение с деятельностью историка права и юриста, работающих с применением древнего закона, до сих пор формально являющегося действующим. Историк права укажет, что формулировка закона была обусловлена историческими реалиями, давно ушедшими в прошлое. Зная это, юрист признает авторитет закона и понимает, что тот послужил важным элементом в постепенном формировании современного законодательного свода. Задача историка права и юриста – уловить «дух закона», его основной принцип, который мог бы быть применим в конкретной современной ситуации. Ср. Гадамер Х.-Г. *Истина и метод: Основы философской герменевтики* / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1988. С. 382-390.

¹³¹ Рикер П. *Конфликт интерпретаций Очерки о герменевтике* / Пер. с франц. М.: Канон-пресс-ц, 2003; Ricoeur P. *From Text to Action: Essays in Hermeneutics II*. Evanston, Ill.: Northeastern University Press, 1991.

исследования историко-критического метода, то есть исторические реалии автора и его адресатов. Важно понимать, что текст не отражает реальность непосредственно, но всегда передает чью-то перспективу, чью-то интерпретацию свершившихся событий. Если текст уподобить «окну» в древний мир, то можно сказать, что его стекло всегда окрашено. Второй уровень, «мир текста», позволяет увидеть текст как литературное произведение, созданное в определенном жанре. Литературное произведение предполагает отбор материала, систему положительных и отрицательных персонажей, развитие сюжета; текст вовлекает читателя в свой мир, и читатель кого-то соотносит с собой, с чем-то спорит, чему-то учится – происходит диалог. Этот уровень можно сравнить с «зеркалом» – чтение древнего текста позволяет читателю лучше узнать себя и свои ценности, при этом вынося нечто новое.

Особенность же религиозных текстов состоит в том, что в них всегда присутствует третий уровень – «мир проецируемый текстом», то есть картина идеального будущего, называемого «Царствие Божие», «новое творение», «жизнь вечная», «обетованная земля» и др. «Будущее» в терминологии Бирингера фактически означает вневременную божественную реальность, которая была явлена на земле Иисусом Христом и будет явлена в полноте в конце времен (соответственно, в нашем историческом «будущем»). Религиозные тексты можно сравнить с «иконой» – символическим окном в мистическую реальность будущего, которое Бог уготовал Своему творению (ср. 1 Кор 2:9).

Подход Бирингера имеет два направления: во-первых, он делает акцент на библейских текстах с явным эсхатологическим содержанием, во-вторых, позволяет обнаружить горизонт благого будущего («vision»¹³²), имплицитно присутствующий в прочих библейских текстах (пример – толкование Иисусом Христом слов Бога к Моисею «Я Бог Авраама, Исаака и Иакова», Лк 20:37-38). Бирингер отмечает, что именно горизонт будущего может служить мостом между «миром за текстом», оставшимся в прошлом, и нашим настоящим моментом – потому что и прошлое, и настоящее имеют общую направленность к этому обетованному благому будущему, Царству Божию. Древний текст не может быть «объективен» и полностью свободен от взглядов своей эпохи (к примеру, связанных с широким распространением института рабовладения или с патриархальным укладом жизни), но горизонт будущего позволяет подняться над этими ограничениями. В обновленном творении Божиим уготовано место для каждого (ср. Ин 12:32; 14:2). Бирингер предлагает считать перспективу спасительного будущего ключом для интерпретации всех религиозных текстов. Богословам не следует закрывать глаза на библейские изображения насилия, угнетения, мести или неравенства. Проблемные моменты должны быть выявлены и осмыслены, но не эти моменты должны считаться определяющими в библейском тексте и формировать наше отношение к нему. Чтобы сохранить учительный авторитет Библии, необязательно перетолковывать спорные места, используя позднейшие богословские комментарии, но важно по-другому расставить акценты. Например, при общей интерпретации книги Иисуса Навина можно акцентировать не эпизоды жестокого истребления народов в Ханаане, но непоколебимую веру в обетования Божии и мужество в достижении поставленной Богом цели (ср. Ис Нав 1:9), и именно в этом видеть основной посыл книги и ее ценность.

Бирингер считает, что горизонты благого будущего могут быть найдены внутри самого текста. Критериями в этом служат высшие новозаветные нравственные идеалы, инклюзивность, универсальность. Иными словами, толкователь осуществляет поиск пересечений между религиозными текстами и новозаветными нравственными идеалами. В рамках методологии Бирингера такие фразы, как «нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал 3:28; Кол 3:11), «излию от Духа Моего на всякую плоть... и также на рабов и на рабынь в те дни излию от Духа Моего» (Иоил 2:28-29; Деян 2:17-18) осознаются более значимыми, определяющими «дух» всего текста, чем «рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом» (Еф 6:5), «жены ваши в церквах да молчат» (1 Кор 14:34). Последние цитаты не должны восприниматься как корректировка первых, но наоборот должны быть понимаемы в свете первых, возвевающих спасение в универсальных категориях. Предложенный Бирингером метод называется «нормативность будущего» / «учительный авторитет будущего»¹³³.

Акцент на будущем позволяет отразить динамическую природу текста, его потенциал к преобразению человеческой жизни. Библейский текст не просто описывает новую реальность будущего, не только указывает на нее, но и участвует в ее созидании. То есть, прочитываемый текст может вдохновить читателей приблизиться к таинственной реальности Царствия Божия, в соответствии с прошениями молитвы Господней «да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя» (Мф 6:10; а также «Царствие Божие внутри вас есть», Лк 17:21). Бирингер называет Царство Божие «мечтой Бога о человечестве», реализацию которой начал Иисус Христос; в новозаветных текстах звучит Его голос, приглашающий всех людей воплощать эту мечту вслед за Ним, внося свой посильный вклад. Конечно, речь не идет о построении «Царства Божия на земле» одними человеческими усилиями; наше участие мыслится в категориях соработничества Христу (это выражение часто встречается у апостола Павла). Вспомним поразительные слова из Евангелия от Иоанна: «Верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит» (Ин 14:12). Благодаря отклику на призыв священных текстов, уготованное божественное будущее может уже сейчас войти в нашу земную действительность; реальность Царства «прорастает» в тех сообществах, где человеческая жизнь драгоценна, где люди вместе трудятся для благих целей, где царит единство несмотря на различия, будь то расового, полового, имущественного характера.

¹³² Vision – также важный термин для Бирингера: возможен перевод как «видение», так и «видение», некий план на будущее, обозрение перспективы.

¹³³ Некоторые общие предпосылки метода «нормативность будущего» были заложены в ранней христианской традиции. Уже в IV веке, в числе четырех основных методов толкования Писания было названо «анагогическое» толкование, возводящее упоминаемые в Библии конкретные реалии к будущему веку (ср. толкования «обетованной земли» и «покоя Божия» как символического указания на рай). Основные виды толкования формулированы в кратком четверостишии: *Littera gesta docet, quid credas allegoria, moralis quid agas, quo tendas apagogia*. «Буква учит тому, что совершалось; аллегория — во что веровать, нравственность — как поступать; аналогия — к чему стремиться».

Таким образом, комплексный метод Бирингера, вбирая в себя историко-критический метод как одну из составляющих, позволяет преодолеть его «зацикленность» на исторических реалиях прошлого. Библейские тексты предстают не только как литературные памятники старины, свидетельствующие о совершившемся в прошлом божественном откровении, а как динамичные вестники благого будущего, способные родить новый опыт богообщения у читателей всех времен, помочь приобщить людей к божественной жизни и любви. Это расширение перспективы помогает «легитимизировать» толкования богословов, не основанные напрямую на «энциклопедическом» историческом знании. Метод позволяет расширить понимание божественного откровения, акцентируя измерение настоящего и будущего: «Дух Божий не нужно стараться найти в прошлом, – Он всегда находится впереди, направляя нас к новому небу и новой земле»¹³⁴.

Практические перспективы использования метода «нормативность будущего»

1) Метод позволяет обосновать актуальность учительного авторитета Библии, используя понятный для академической среды язык. Иногда можно встретить логику, что если принять учительный авторитет Библии, этот авторитет должен распространяться на все библейские тексты одинаково. Такая логика в итоге ведет к полному отрицанию авторитета, поскольку нетрудно указать примеры насилия на страницах Библии и заключить: «в Библии можно найти все что угодно, с помощью Библии можно оправдать все что угодно». Соответственно, ссылки на Библию в современных богословских рассуждениях автоматически дискредитируются (такого рода умозаключения я встречала не только у неверующих людей, но и у некоторых богословов). Рассматриваемый метод позволяет расставить важные акценты в восприятии Библии, дав обоснование, по каким именно критериям одни библейские отрывки могут быть признаны более богословски значимыми и определяющими, чем другие.

2) На протяжении нескольких лет этот метод с успехом применяется в религиозном образовании в католической среде: он формирует принципиально иной подход к преподаванию христианской этики. Вместо прямых увещаний «вы как христиане должны поступать так-то» (которые не всеми воспринимаются положительно) преподаватель дает учащимся возможность самим сформулировать – как тот или иной библейский отрывок позволяет понять Божию мечту, Божий план о мире, какое именно будущее проецирует этот текст? Такой подход является более творческим и облегчает молодым людям восприятие Библии.

3) Рассматриваемый метод позволяет по-новому осознать роль эсхатологических текстов, пережить их значимость «здесь и сейчас» (подобно тому как это ощущали первые христиане). Можно констатировать, что верующие, читая библейские эсхатологические описания, нередко воспринимают их как красивую абстрактную утопию, или представляют себе, что так произойдет когда-нибудь потом, само собой. Или же читатели сосредотачивают внимание на бедствиях, предшествующие концу мира, а не на обетованиях об избавлении от страданий и всеобъемлющем пребывании благого Бога в людях («Бог будет все во всем», 1 Кор 15:28). Однако нужно понять, что божественное будущее не «пассивно», но «активно», – если человек открывается ему навстречу, благое будущее может определять и формировать настоящее.

4) Этот метод побуждает интерпретировать ветхозаветные тексты не сразу через новозаветное откровение или через поздние христианские толкования, но сначала искать горизонт благого будущего в них самих.

4) Положительной стороной метода мне видится также то, что он не ставит знак равенства между исторической точностью и богодухновенностью. Православные ученые, активно критикующие гипотезы историко-критического метода в вопросах авторства и датировки библейских текстов, принимают фактически ту же логику – как будто смысл текста и его религиозная ценность полностью зависят от факторов прошлого (авторства и датировки). Однако существует огромное множество реконструкций, «как все произошло на самом деле», и у историков и археологов всегда остается больше вопросов, чем ответов. Метод Бирингера позволяет выйти за рамки «сцепленности» с прошлым, и акцентировать, что даже те тексты, которые не претендуют на исторически точное освещение прошлых событий (пример – неканоническая книга Товита), могут послужить передаче божественного откровения. Мне представляется, что первоочередная задача современных православных библеистов – прежде всего знакомить читателей с духовным, спасительным потенциалом библейских текстов, а не сосредотачивать главное внимание на отстаивании традиционного суждения об авторстве и датировке библейских книг.

5) Как мне кажется, богословский акцент на будущем также может позволить добавить важный компонент в практике церковной жизни. Если человек сосредоточен на прошлом, на переживании своего греховного несовершенства, он будет стараться жить по принципу «как бы не сделать неправильно» (а не ошибается как известно только тот, кто ничего не делает). Если же человек сместит фокус своего внимания и ощутит руку Божию, протянутую к нему из спасительного будущего, у него будет сильная мотивация активно реализовывать свое призвание, идти вперед и трудиться, чтобы Царствие Божие постепенно входило в нашу реальность.

САМОСЮК Н. В.

КАНДИДАТ КУЛЬТУРОЛОГИИ, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ БРЕСТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. А.С. ПУШКИНА

ОПЫТ ПЕРЕВОДА СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ НА БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЦИОНАЛЬНО-ЦЕРКОВНЫХ ДВИЖЕНИЙ В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1921-1939)

В 1921 г. территория Западной Беларуси официально была закреплена в составе польского государства. Православие на этих землях являлось вероисповеданием большей части населения и определяло все стороны

¹³⁴ Bieringer R. *The Normativity of the Future*, p. 67.